

Ирина Листвина

Незадачливый антракт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Л63

Л63 **Листвина И.**
Незадачливый антракт / Ирина Листвина – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 244 с.

ISBN 978-5-6054235-1-5

«Незадачливый антракт» — повесть смешанного жанра (с элементами эссе и рассказа) о ряде значимых фигур литературного круга Ленинграда 1970-х годов.

Она об «учителях и ученицах» — прежде всего о трёх всем тогда известных ровесниках века (профессор-блоковед Д. Е. Максимов, «ходячая литературная энциклопедия» и критик Т. Ю. Хмельницкая и талантливейшая переводчица с романских языков Э. Л. Линецкая). И их ученицы — три молодые поэтессы, одна из которых в середине 80-х (и до конца 90-х) станет лидером ленинградского «после-Бродского периода».

А двум другим удастся представить читателям сборники своих стихов только с 10-х по 20-е годы XXI века.

ISBN 978-5-6054235-1-5

© Lennex Corp, 2025
© И. Листвина, 2025

Ирина Листвина

Незадачливый антракт

Повесть-эссе

Москва
Интернациональный Союз писателей
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л63

Продюсер проекта Елена Наливина

Листвина, Ирина

Л63 Незадачливый антракт: повесть-эссе / Ирина Листвина. —
Москва: Интернациональный Союз писателей, 2025. — 244 с.
ISBN 978-5-6054235-1-5

«Незадачливый антракт» — повесть смешанного жанра (с элементами эссе и рассказа) о ряде значимых фигур литературного круга Ленинграда 1970-х годов.

Она об «учителях и учениках» — прежде всего о трёх всем тогда известных ровесниках века (профессор-блоковед Д. Е. Максимов, «ходячая литературная энциклопедия» и критик Т. Ю. Хмельницкая и талантливейшая переводчица с романских языков Э. Л. Линецкая). И их ученицы — три молодые поэтессы, одна из которых в середине 80-х (и до конца 90-х) станет лидером ленинградского «после-Бродского периода».

А двум другим удастся представить читателям сборники своих стихов только с 10-х по 20-е годы XXI века.

Книга публикуется с авторской пунктуацией

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ирина Листвина, 2025
ISBN 978-5-6054235-1-5 © Интернациональный Союз писателей, 2025

Эскизы, миражи, сады...

К середине двадцатого века советские люди, пережившие две мировые войны наряду с едва соединявшими их, как недостроенные мосты, периодами разрух, совершенно изверились в идее «лучшего в мире будущего». Особенно нелегка была атмосфера после смерти Сталина, в год ненадёжного и готового к развалу триумвирата (Хрущёв, Маленков, Булганин). И тогда Бог внезапно и неожиданно смилостивился над растерянными, утрачивающими веру во что бы то ни было людьми. И вновь излил на них немного Духа Святого Своего.

Конечно, это было совсем не так, как во времена Апостольской церкви, когда нужно было приобщать к вере народы и этносы, незнакомые с монотеизмом. Тогда Дух говорил в каждом из апостолов на чужих языках.

Нет, теперь Он изливался на людей во множество раз скромнее, всего лишь как светлый дар общения, ими почти утраченный. Долгие годы они не осмеливались высказывать даже те из своих мыслей, что никакого отношения к политике и экономике не имели. Они чуждались друг друга и общались почти формально, глухо, уходя в любимую работу, как в ящик стола (и безнадёжно надеясь, что он когда-нибудь чудом превратится в почтовый ящик).

Ещё не веря тому, что доносы больше не нужны, люди всё же это чувствовали. И бескорыстное общение, основанное на взаимном доверии, стало казаться им бесценным. Они не просто

обернулись и взглянули друг на друга. Они глядели друг другу в глаза, взглядываясь и вслушиваясь. Взгляды, жесты и мимика значили теперь не меньше, чем слова, а обращённые друг к другу души и лица говорили так, как это бывает лишь на первых стадиях влюблённости или избирательного дружеского сродства.

И тогда, подобно тому как было во времена Апостольской церкви, но и как в капле воды под микроскопом, вдруг выяснилось, что иные из них наделены этим даром больше других. Вокруг таковых стали образовываться кружки, сливающиеся в круги. Там говорили в основном о Боге, философии и искусстве. Избранные становились педагогами-гуманитариями, притягивавшими тогдашнюю молодёжь. В разных «градах и весях» страны (иной раз и в том же городе) это происходило по-разному; кто-то, разумеется, вспомнит об этом по-другому (и о других). Здесь речь пойдёт о пяти островках литературного Ленинграда тех лет (вплоть до начала 80-х).

Образ городского сада тоже говорит о естественной радости общения — с природой, порой и с собеседником (или с самим собой). Поэтому участки, как бы выделенные из большого единого парка вокруг бывшего Петербургского Воспитательно-го дома, непосредственно связаны здесь с именами главных действующих лиц.

«Из жизни ленинградской богемы»

1. На Ковенском переулке

Я вошла в привычно гостеприимные и безалаберные комнаты на Ковенском переулке за несколько минут до произошедшего. Сняла пальто и собралась немного поиграть с Рикки в мяч. Ирины не было, а Светка, ставшая в последний месяц какой-то неприятливой, выглянув, проскрипела шёпотом, что та на минутку вышла, сейчас придёт.

Вдруг явственно слышались два выстрела на чердаке (над потолком этого надстроенного этажа). Отчётливый первый щёлк был твёрд, что говорило об опытной руке. Второй раздался через секунду-другую, словно происходила дуэль. Он был суше (истеричнее, что ли), а затем слышался стон — мужской, непродолжительный; всё это заняло не более минуты. Трёхногая сука Рикки (помесь бульдожки с дворнягой), очень ласковая, но беспринципная в своих просьбах к знакомым, заковыляла туда-сюда, подпрыгивая, через комнату по диагонали. Я застыла у стены, а Светка выскочила и бросилась наверх. Через несколько минут раздался вой двух машин, милицейской и скорой.

Раненного в плечо офицера увезли в больницу, а Ирину Чемоданову (непризнанного, но небезызвестного в узком кругу

прозаика) — минуя отделение милиции, в тюрьму. Понятие тюрьмы было неоднозначным, узилища были разные. Через несколько дней стало известно, что Ирину определили в отделение судебной психиатрии в Малых Крестах у Финбана.

Часа за полтора до меня к ним заявили два офицера с запиской от кого-то из знакомых. Это ничуть не удивляло: их две комнаты напоминали постоянный (и проходной) двор. Офицеры принесли коньяк, яблоки и шоколад, сели, выпили, несколько минут шутили, но вскоре стало ясно, что говорить с ними и не о чем. Ирина похвалилась, что на чердаке у неё тир, а кто-то из троих (исключая Светку) предложил пойти поупражняться в стрельбе.

Дальнейшее так и осталось неясным. Ирину я не видела почти полгода, навещать её не разрешали, можно было только поставить в окно передачу. Через четверть часа в коридоре раздавался окрик: «Кто оставил для Чемодановой?» Я подходила, и что-то обязательно вышвыривали обратно (банку сгущёнки, например), хотя передачу обдумывали люди поопытней меня.

Странное начало для взаимосвязанных в повести-эссе рассказов? Тем более что два предстоящих: «Хмельницкая и сад Тамары» и «Стоический сад» — отличаются совсем иной, академически спокойной атмосферой. Всё же изредка и они будут прерываться эпизодами — драматическими и не очень. Таковы были семидесятые, время ведь чем-то напоминает погоду. Бывает же, что за считанные дни до раскатистой, полыхающей в окна и долгой грозы по вечерам слегка погромыхивает, как бы совсем издали и случайно.

«Хмельницкая и сад Тамары»

(начало)

*Знаете, кто вы? Вы молчальница
из сада Тамары.
Реплика Д. Е. Максимова*

I. Приглашение к чаю

...Впервые я обменялась с ней несколькими словами в 1971 году, подойдя с вопросом после её лекции в Публичной библиотеке. Я была студенткой (вечернего филфака) и как-то вдруг набралась храбрости подойти, сказать несколько слов. Что-то не просто расположило меня к ней, а задело за живое. Помню, что ни к одному незнакомому человеку я ещё не испытывала такого импульсивного доверия с желанием обменяться несколькими словами. Конечно, я не думала, что мимолётное знакомство будет иметь продолжение.

А через несколько месяцев я встретила её в доме Ирины Чемодановой (одарённой писательницы-полудиссидентки, как ни странно, сугубо советского склада; написанное ею не попало в печать и не дошло до читателя вовремя).

Ирина недавно ещё работала секретарём поэта Ольги Фёдоровны Берггольц и была её другом. Познакомилась я с ней

в клинике неврозов на Васильевском, где она лечилась, а я навещала однокурсницу. Мне (в двадцать с очень небольшим) было лестно, что человек, близкий к Ольге Берггольц, одобряет мои стихи. Тамара Юрьевна была в ровных, дружеских отношениях с Ириной. Но при упоминании друзей Т. Ю., ставших (в той или иной мере) и моими знакомыми, мне придётся иногда делать пропуски. Ирина Чемоданова заслуживает отдельного рассказа, но здесь он будет дан в виде отрывков.

Итак, вначале я встречала Тамару Юрьевну на Ковенском переулке — кивок, улыбка, не более. Как-то раз Ирина вручила ей стопку моих стихов, сказав: «Вот это — настоящее!» Тамара Юрьевна ответила, что обязательно посмотрит, и дала мне свой номер телефона. Через несколько дней я получила приглашение к вечернему чаю у неё на Загородном.

Я пришла туда к восьми, а вернулась домой поздно; поздними были и мои возвращения от неё в дальнейшем — все эти долгие годы, до её последней болезни. Но сейчас о нашей первой встрече, которая могла бы и не произойти, не получиться; однако состоялась. Странно, что она говорила о моих стихах так внятно, интересно и внимательно, а я, волнуясь, всё как-то не могла сосредоточиться. Часть моего внимания поглощала комната — нет, даже и не она, а присущая ей атмосфера, резко отличительная, дышащая немного унылым, но притягательнейшим уютом «у камелька в тусклый осенний день». Поначалу даже и голос Тамары Юрьевны слегка завораживал, убаюкивая внимание необычностью звучанья: у себя дома она не старалась говорить, как принято. Её выговор был очень раздельным и внятным, но питерским, дореволюционным. К тому же в нём была возрастная приглушённость с лёгкой хрипотцой, но была и тщательность, которая делает каждое слово понятным. При этом казалось, что

говорит она медленно, как бы раздумывая; дикция в целом напоминала мне костяной фарфор. Что же до манеры говорить, то все, кто слышал записи чтений Александра Блока, знают этот говор, присущий интеллигентам начала XX века: возобладавшее четвёртое сословие (в подражание дворянству) сохранило лёгкий французский прононс, но он полностью слился с уже сложившимся твёрдым питерским. В тот первый вечер мне казалось, что и мебель у неё как на сцене театра МХТ, вот только вблизи кажется потускневшей, старил её и общий зеленоватый колорит, однако она не была ни поношенной, ни потёртой. Моё воображение поразили гамбсовские стулья и беккеровский рояль, а больше всего прекрасно сохранившаяся люстра в стиле модерн (без хрустальных висюлек, отнюдь). В комнате не было следов творческого беспорядка, но были свобода и покой, давно ушедшие из быта. Был и диван с пледом, накинутым на подушку, вышитую гарусом, как бы в приглашение к отдыху. Было и одно чарующее противоречие — акварели на стенах обладали живостью свежих красок, как если бы (там и сям) стояли букетики цветов: маки, ромашки, колокольчики...

Так я и стала время от времени бывать у неё, сначала в коммуналке на Загородном, недалеко от Владимирской площади, где сама жила ещё недавно, до окончания школы. Моей ответной реакцией на неожиданно живой и глубокий отклик на мои стихи было то, что я (ещё не выбравшись толком из «детства, отрочества, юности» — на выходе у меня родился сын, и захлопнутая дверь в детскую опять приоткрылась) увидела в ней фею в облике беличем — отметив сходство Т. Ю. с этим убегающим и спешащим вверх существом, пусть и издали, но явно расположенным к людям. (Часть лета моя семья проводила в Прибалтике, где белки почти ручные.)

Тамара Юрьевна была на добрых сорок лет старше меня (и этого не скрывала), но ведь феи в сказках нередко были пожилыми дамами. Наверное, всё это — о белках и фее — я тогда придумала, чтобы не слишком удивляться и облегчить себе привыкание к её кротким, живым, полным интереса ко мне глазам. Может быть, мы подружились с ней отчасти из-за благодарности, выразившейся в этих выдумках? Не знаю, кажется, всё обстояло не так просто. Многие молодые литераторы бывали у неё, читали свои произведения, нередко были прекрасно приняты и встречали интересный отзыв. Иные из них (но немногие) в ответ привыкали к ней, к её дому, становились настоящими друзьями — например, Лёша Любегин, совсем молодой, но независимый (с изданным сборничком стихов, уже член СП), и его жена Галя, врач-психиатр (серьёзная профессия, ещё бы!).

Однако не время говорить о литературной молодёжи тех лет. Внешность Тамары Юрьевны как-то сразу ускользнула от меня, поэтому описывать её я и не стану. На это имелся ряд причин, часть которых мне не вполне понятна. Но, судя по воспоминаниям её сверстников (из секций критиков и переводчиков), она была среди них существом непарным и порой казалась чудачкой. В частности, пишут, что она всегда сидела в сторонке, а при ходьбе голова у неё немного опережала ноги, хотя походка была в общем ровной и сутулилась она лишь слегка. В тридцатых годах её почти не печатали, она не примыкала ни к одной из заявивших о себе группировок, в отличие от большинства сверстников. Кроме того, она была среди тех, кто не прервал знакомство с М. М. Зощенко, когда все от него отшатнулись.

В общем, она была в хороших отношениях с коллегами, но в то же время ей бывало среди них и одиноко (до возвращения из ссылки Эльги Львовны Линецкой). Было ещё кое-что, мешавшее